

ТЕАТР ТРИ ГЛАВНЫЕ РОЛИ ДОБРЖАНСКОЙ

Как уже сообщалось в печати, Любовь Ивановна Добржанская недавно удостоена звания народной артистки СССР. Сегодня мы публикуем очерк об актрисе.

МЫ НЕ ПОНЯЛИ до конца, что случилось в нашем театре, когда актриса ЦТСА Любовь Добржанская сыграла Василицу в «Каса маре» (постановка Б. Львова-Анохина). Потребовалась более трагическая и мудрая роль старой Толгоной из «Материнского поля», — она позволила актрисе продемонстрировать подлинное значение своей победы. Понадобился Чехов с его тончайшим «Вишневым садом» — исполнением роли Раневской Добржанская убедила нас в том, что она последовательно познает закономерности открытой ею какой-то новой сферы современного актерского искусства.

...Казалось бы, ничего такого, что могло бы волновать всех, не происходит в «Каса маре» Василицы, в том «большом доме», а может быть, просто комнате для гостей, самой красивой, богатой, самой почетной. Вдова солдата, женщина неустоенной судьбы, жаждущая счастья, Василица потянулась к молодому красавцу Павлаке, и вот уже входит в ажурный дом ее большая, настоящая любовь. Только вот дед Ион своими внимательными глазами, в которых и боль, и участие, почему-то смотрит на дочь неодобрительно. Да и она сама не просто, не легко, а с большими колебаниями, мучительно борясь с собой, «берет» свое счастье. Вот стоит она, сложив руки, и смотрит, смотрит поверх гостей, поверх нас, сидящих в зале. И когда взгляд ее останавливается на Павлаке, столько в нем любви и нежности и такая глубокая озабоченность своими, где-то параллельно чувствам текущими мыслями, что щемит сердце. Вдруг замечаешь, что Василица Л. Добржанской все время как бы соотносит свое право на теперешнее счастье и с молодостью Павлаке, и с любовью к нему юной Софийки, и с предстоящим возвращением из армии своего сына...

Протяжно льется речь актрисы; напряженный, энергичный ток ее голоса завораживает и просветляет, и не в словах — за ними открывается волнующая тема человеческой совести. Нет, не может быть счастливым человек, если совесть говорит другое!.. И вот уже смятенно свертывает Василица дорогие ей половички и занавески недавно нарядной «Каса маре». Бесшумно скользит она из угла в угол, все нервнее, все невыносимее тишина вокруг. Только один раз позволит Добржанская сорваться своей героине, только один раз не сердцем, а голосом крикнет Василица, испугавшись возвращения Павлаке. И мы тоже вздрогнем, мы видим: настоять на том, чтобы любимый ушел от тебя, можно только раз и собрав все силы.

Где же в такую трудную минуту берет эти силы Василица Л. Добржанской? В спектакле она не раз возвращается к своим полям: «А я пойду в поле... Ведь если любила я что в жизни, так это поля. Меня там ждут и сады, и посевы... Даже не говоришь, а они все по-

нимают. Они все за тебя!». И так это играет Добржанская, что нельзя не верить: как бы прикоснувшись к земле, обретает Василица силы для высокого нравственного решения. Актриса владеет каким-то непостижимым даром делать предметным, зримым все, о чем говорит, заставляя нас чувствовать и думать то же, что и она. Потому так ясен и близок нам итог, к которому приходит ее героиня в спектакле «Каса маре», когда она остается как будто потерявшей все, но в действительности богатой делами рук своих, которые прочно связывают ее со всеми другими жителями села, с народом... Светла и красива опять «Каса маре». В праздничном наряде Василица, она ждет приезда своего сына. И слушает, упивается безумием четырех скрипок, где-то совсем рядом играющих веселый танец периницу. Смотри в ее полные слез и в то же время мудрые, все осознающие глаза, мы чувствуем, знаем: что бы теперь ни случилось, «Каса маре» останется такой же красивой, полной света и воздуха, открытой навстречу людям, навстречу ясному небу, доброй и любимой земле, запахам хлеба и винограда, навстречу прекрасной музыке жизни.

ВСПОМИНАЮ другую жизнь — трагическую жизнь старой матери Толгоной — и снова вспыхивает в сознании все заливающий свет абсолютной гармонии — мысли, настроения, чувства в финалах трех спектаклей, где Любовь Добржанская играет свои главные роли.

...Что еще может быть страшнее пережитого Толгоной: война отняла у нее мужа и всех сыновей, и даже любимая невестка, оставшаяся с ней, умирает.

В спектакле «Материнское поле» (и на этот раз Л. Добржанская играет в постановке режиссера Б. Львова-Анохина, но уже в Театре имени К. С. Станиславского) Толгоной — единственное реальное действующее лицо; неторопливо рассказывает она о своей жизни. Иногда певучая мелодия ее речи вдруг прерывается, натолкнувшись на воспоминание о любимых своих, и тогда торопливо и ласково звенит голос, увлекая нас с собой в прошедшие годы. И Толгоной все будет делать и говорить, как тогда, но что-то уже отличит ее от окружающих. Разговаривая с ними, она вдруг задумается, просто и спокойно отойдет в сторону, ответит поспешно и отстраненно, как бы сама себе. И, осиротев, припадет к груди земли, крича и плача, но тут же затихнет и большими потемневшими глазами будет долго и внимательно смотреть на все еще не успокоившихся односельчан. Она очень много знает сейчас — она знает всю свою жизнь. Она знает: какое бы горе ни обрушилось на человека, он жив, он счастлив бессмертными трудами рук своих, добрым сердцем, он жив, пока жива вскормившая его земля и пока она слушает его. И снова вызовет Л. Добржанская то ощущение света и воздуха вокруг, и прозрачная песня жаворонка, по-

добно перинице в «Каса маре», будет биться в вышине. Сжалось сердце старой Толгоной от горя и одиночества, слезы заблестели на ресницах, усталые, натруженные руки в отчаянии прикоснулись к уголкам губ — и вдруг навстречу песне, которая только что падала на землю горькими каплями воспоминаний, взвилось молодое, ликующее и чистое:

— И ты бессмертен, жаворонок мой!

Именно в этом единственном ощущении момента и всей жизни, непосредственного, открытого чувства и глубокого осмысления времени и человеческого судьбы — сила последних работ Л. Добржанской. В таком свободном синтезе мысли и чувства — едва ли не главное для сегодняшнего искусства теат-

Л. Добржанская в ролях Василицы («Каса маре»), Толгоной («Материнское поле»), Раневской («Вишневый сад»). Рис. С. АНДРЕЕВА.

ра, Недаром современные режиссеры в своих лучших спектаклях стараются «сплавить» непосредственность чувств исполнителей с режиссерским осмыслением происходящего.

НА НОВОМ спектакле ЦТСА «Вишневый сад» (режиссер М. Кнебель) только-только уплывает в сторону занавес, а зритель уже замирает, как бы боясь неосторожным движением разрушить изящный и хрупкий образ открывшегося ему мира. Одежда сцены (художник Ю. Пименов) бела и легка, как платье невесты. Может быть, это символ цветения сада и светлых, и чистых человеческих отношений? Наверное, и так, но белые кулисы слишком воздушны и туманны и уходят вдаль, столь бесконечную, что возникает ощущение некоторой зыбкости, эфемерности происходящего, как будто все полустерто в памяти, заполненной знанием бурных и огромных событий последующих десятилетий.

Все и осталось бы лишь в прошлом, если бы не захватывающая искренность исполнителей и в первую очередь Л. Добржанской, играющей Раневскую. Эта высокая, изящная женщина крайне взволнована встречей со старым домом своим, с вишневым садом, она просто потрясена тем, что вот так сразу снова вошла в привычную и такую милую жизнь. Она не может усидеть на месте, все

ходит, взглядывая на окружающих ласковыми, повлажневшими глазами; руки то опускаются в обесиливающей нежности, то тянутся вперед, стремясь обнять все — воображаемые стены, и сам сад, и дом, так много значащий для нее. А когда позже узнает Раневская, что этот сад продан, она надолго останется сидеть, привалившись к ручке старого кресла, неподвижно и тихо, только слезы медленно и печально будут скатываться по ее лицу. И горькая, щемлящая тишина прощания со всей прежней жизнью, со всем, что дорого, выстрадано, что безвозвратно уходит, повисает в это время над залом. Она как бы высветляет в туманной дымке прошлого человеческую драму, приближая ее к нам и делая нас ее соучастниками. А достигнув этого, Добржанская вдруг сразу уведет нас, нет, не в прошлое — в будущее.

Еще не высохли слезы, еще жива горечь потери, а в Раневской уже засветилось что-то новое, необычное, какая-то мысль, что долго подспудно зрела внутри и сейчас, освободившись от сковывавших жизненных обстоятельств, зазвучала яснее и звонче. Постепенно понимаешь, что эта Раневская сильнее и умнее, чем мы ее обычно представляли, — она вроде бы даже осознает естественность и закономерность движения жизни. И пусть тяжело расставаться с прошлым — вера в будущее позволяет это пережить достойно. Важ-

но только чувствовать себя нужной людям. Именно это, а не только безвольная любовь заставляет Любовь Андреевну вновь ехать в Париж: она нужна своему больному другу. И когда Раневская, Аня и Петя медленно кружатся вместе в вальсе, как бы обретая силы в этом единении, кажется, что и сама Раневская будет все дальше дальше от трогательных, но бесполезных дней и все ближе к тому, что возмещает Петя. «Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы».

Л. ДОБРЖАНСКАЯ владеет секретом показа своего героя одновременно в разных аспектах его бытия, его раздумий. Мысль ее точна, интонации безупречны, чувства неподдельны. Когда играет Добржанская, на сцене мы видим не только прошедшее или будущее. — перед нами неумирающий кусок жизни, соотносимый нами со всей жизнью человека, общества. Время, в котором существуют герои Добржанской, относительно и может остановиться для того, чтобы мы яснее поняли его суть, и может нестись с субсветовой скоростью для того, чтобы мы в единый миг схватили происходящее. Актриса как бы концентрирует явления, показывая их одновременно в двух плоскостях: развивающимися в собственном времени и принадлежащими всем временам. Она вводит нас в целостную сферу человеческих эмоций и человеческого познания, она раскрывает человека в едином мире пространства — времени. Я бы назвал мир искусства Л. Добржанской четырехмерным.

Г. ДУБАСОВ.